

«ЛАБОРАТОРИЯ»: ОТ ЧОНКИНА — К ЛЕНИНУ

Театральные опыты с неожиданным результатом

Виктор Денисов

Зеркало

Судьба забросила меня сюда случайно. Меня заинтересовал «Чонкин», спектакль, о котором несколько лет назад ходили легенды. Скажу сразу: разочарован я не был, но возникла масса вопросов, которые нельзя было не задать главному режиссеру «Лаборатории» Андрею РОСИНСКОМУ.

— ВАШ ТЕАТР в пору заносить в Книгу рекордов Гиннесса: я насчитал в нем 24 кресла.

— В нашем камерном зале 28 мест. У нас нет своего помещения. Сегодня аренда большого зала Дворца культуры АЗЛК в воскресенье стоит сто тысяч, и мы вынуждены были от него отказаться. Играем в камерном зале.

— Согласны ли вы с тем, что «Лабораторию» нельзя назвать популярным театром?

— Приходится соглашаться. Но, как любил говорить большевики, тут надо различать факторы объективные и субъективные. К субъективным же относятся некоторые особенности... моего характера.

— **И** что делает театр популярным? Думаете, только хорошие спектакли? Отнюдь нет. Помимо этого нужно заниматься рекламой, саморекламой, то есть, как сейчас модно говорить, нужно «тусоваться». А для меня самое страшное — это пустое общение. Я человек замкнутый. Проработав около двадцати лет на московской сцене, по-прежнему остаюсь человеком-невидимкой. Никто меня не знает, и никто не видел. Увы, мы не умеем себя выгодно подать.

— **А объективные факторы?**

— В 1988 году театр (а корни его уходят в студенческую самодеятельность конца 60-х) получил статус государственного, но от государства не получил ни копеечки. Мы должны были зарабатывать, поэтому театр уехал. Ездил по всей стране, по восьми гастролей в год. Четыре года театра в Москве не было, и в столице нас успели забыть.

— **А «ужасное» слово «Текстильщики» принадлежит к объективным факторам?**

— Безусловно. Только ведь до нас от театра на метро девять минут, так что наша «сверхудаленность» от театральных районов скорее миф.

— **Название «Лаборатория» — когда оно возникло и почему? Влияние Грозовского?**

— Лет семь назад. О Грозовском мы, конечно, знали, но дело не в нем. Название возникло из чисто тактических соображений. В свое время нужно было внимательно следить за тем, чтобы на тебя не развернули большую табулицу и не полетели бы пух и перья. Когда нас спрашивали, почему вы ставите странный и непонятный нашему народу материал, мы отвечали: «Мы ведь «Лаборатория», это эксперимент, так что не обращайтесь к вниманию. Правда, сегодня многие считают, что название у нас некоммерческое. «Лаборатория» ассоциируется у людей с пробирками, колбами...

— **Несколько слов о труппе. Мне она показалась достаточно спаянной.**

— Труппа небольшая, и меняется она незначительно. Процесс, который у нас происходит, я бы назвала селекцией. То есть театр как организм либо кого-то принимает, либо отторгает — по причинам чисто человеческим и про-

Сцена из спектакля «Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»

фессиональным. Но текучки у нас нет.

— **Теперь о спектаклях.** Начнем с самого знаменитого, хотя он, насколько мне известно, и не был первым. С «Чонкина». В 1988 году «Чонкина» еще никто не ставил. Проблем с постановкой или со зрительским приемом не было?

— Нет. В наших бесконечных поездках по стране я убедился, что существует некий пиетет по отношению к тому, что люди делают на сцене; спектакль может нравиться, может — не очень, но быть за него не будут, не будут даже кидать тухлые яйца.

— **«Чонкин» действительно принес театру известность?**

— случилось вот что: мы пять раз отыграли его в помещении Театра Станиславского. Был аншлаг, спектакль принимали «на ура», а потом, когда настало время «раскручиваться» и почивать на лаврах, мы собрались — и вперед по Союзу. Ведь денег-то у нас не было.

— **Меня немножко удивляет этот выбор. Вы говорили, что любите «умный театр», но, согласитесь, для того чтобы посмеяться над советским идеологием, особым интеллекта не надо. Хотя и роман, и инсценировка довольно остроумны.**

— Пожалуй, в «Чонкине» для меня самой важной была лирическая тема: можно довести людей до скотского состояния, но если на дне души «гомо советикус» остаются нормальные человеческие чувства, тогда есть надежда. И когда Нюрка выживает какого-то несчастного поросенка, может быть, это и есть для меня самое дорогое.

— **Итак, «Чонкин» — самый любимый ваш «ребенок»?**

— Нет. Любимый был поставлен еще в ноябре 1982 года, как раз в те дни, когда умер Брежнев. Это был «Гамлет». Мне кажется, что в нем — интересные театральные идеи, начиная со сценографии Ирины Балашевич (по-моему, очень талантливой художницы) и кончая трактовкой «трагедии трагедий». К сожалению, труппа тогда была полуболишевская, и реализовать все задумки оказалось невозможно. Ладно выстроенный спектакль сыграли посред-

ственно. Но боюсь, что сегодня его надо было бы ставить совсем по-другому — время-то ушло.

— **У вас в репертуаре сейчас только современный материал — это случайность? И много ли чистых камерных.**

— Я ставлю то, что меня сегодня интересует. Если завтра заинтересует классика — поставлю. Тем более что в портфеле театра инсценировка произведения Стендаля «Дом на дюнах» — это ли не классика? Когда мы катались по стране и зарабатывали деньги, я должен был ставить «масштабные» спектакли, такие, как «Чонкин», «Адам и Ева» Булгакова, «Товарищ Д.» Кира Булычева, и другие. Но через какое-то время, почувствовав усталость от больших полотен, переключился на камерные. Так были осуществлены «Под созвездием Водолея» Ларса Клеберга и «Предательство» Гарольда Пинтера. А сейчас я чувствую, что от камерности начинаю уставать. Стандартные колебания маятника: тоскуешь по тому, от чего ушел, и возвращаешься обратно.

— **На следующий сезон — «плавов громады»?**

— Да, причем беру то, чего в других театрах нет. Не потому, что хочу выделиться, просто материал диктует. Будет поставлен спектакль с условным названием «Играем Гуэрру» — две одноактные пьесы этого незаурядного мастера, сценариста великих фильмов Феллини. Познакомим зрителей с «Амфитрионом» Жана Жироу. Рязанский режиссер Виктор Шульман репетирует у нас неизвестную пьесу Артура Миллера «Сотворение мира и другие дела». Начался также протонный «Шести призраков Ленина на роде» — драматической импровизации по одноименной картине Сальвадора Дали.

— **Захотелось продолжить ленинскую тему?**

— Пьеса не о Ленине, а о нас. Я считаю, что мы встретились с весьма нетрадиционным материалом, который позволю нам с интересом поэкспериментировать, ведь мы же «Лаборатория». А Ленин, или Сталин, или Ельцин — это для меня все равно.